

№ 137 (92) ДУРЕНЬ

А тяперь у меня один «Дурень», остался.

[– А что?

– «Дурень».

– «Дурень»?

– Да.]

(Тоже такая, знаете, вот, жила такая старушка, она тоже была, наверное, вѣдумшшыца какая-то. Ну, и ходил такой, ну, по деревням: вот сягодня побыл, например, в Антушове, назавтра пошёл, там, в Колкиши, в Коларёво, в Сяніотино; что ни в дяревню придёт, всё новости другие. А она яво учыла. Вот сейчас я вам расскажу, значыт, как это у неё получилось, значыт.)

Дурень. Пошёл дурень в чужую дяревню, а в чужой дяревне горох молотили, дурень как приходит и говорит:

– Сорок постель* – решато гороху!

Ну. А что ж он такое говорить: с сорока постель решато гороху! Там дурня побили, там поколотили.

– Ужо пойду, ужо бабе скажу!

Ну, приходит и гврит:

– Баба моя, баба, там меня побили, там поколотили!

А она говорит:

– За что ж тебя били, за что ж колотили?

– А в чужой дяревне горох молотили, а я пришёл, а я сказал: «Сорок постелей – решато гороху!»

– Мало ж тебя били, мало колотили! А ты б пришёл, а ты б сказал: «Ни с собой снясти, ни конём связти!»

– Ужо пойду, ужо скажу!

Пошёл дурень у чужу дяревню. А в чужой дяревне покойника мыли. [Умер человек.] Он как приходит и говорить:

– Ни с собой снясти, ни конём связти!

И там яго побили, и там поколотили.

– Ужо пойду, ужо бабе скажу!

Приходит, гыт:

– Баба, баба! И там меня побили, и там поколотили!

– А за что тебя били, за что колотили?

– А в чужой дярвене покойника мыли. А я пришёл, а я сказал: «Ни с собой снять, ни конём связти!»

– Мало ж тебя били, мало колотили! А ты б пришёл, а ты б сказал: «Вечная память, свечку поставить!»

– Ужо пойду, ужо сделаю!

Пошёл дурень у чужу дярвню. У чужой дярвене свадебку играли. Только молодые за стол садятся, он как приходит и говорить:

– Вечная память, свечку поставить!

И там дурня побили, и там поколотили!

– Ужо пойду, ужо бабе скажу!

– Баба, моя баба, там меня тоже побили, там поколотили!

– А за что тябя били, за что колотили?

– А в чужой дярвене свадебку играли, а я пришёл и сказал: «Вечная память, свечку поставить!»

– Мало ж тебя били, мало колотили, а ты б плясал, а ты б песни играл!

– Ужо пойду, ужо сделаю!

Пошёл дурень в чужую дярвню, а в чужой дярвене гувно* горить. Дурень как с песням бяжить, пляшет! И там дурня побили, и там поколотили.

– Ужо пойду, ужо бабе скажу!

Приходит и гт [говорит]:

– Баба, моя баба, и там меня побили, и там поколотили!

– А за что тябя били, за что колотили?

– А в чужой дярвене гувно горело, а я плясал, а я песенки играл.

– Мало ж тебя били, мало колотили! А ты б с багром, а ты б с вядром бы!

– Ужо пойду, ужо сделаю!

Пойшёл дурень в чужую дярвню. А в чужой дярвене борová палили*. А он с багром, а он с вядром! Багром схватил борová с огня, а огонь с вядра залил. И там дурня побили, и там поколотили!

– Ужо пойду, ужо бабе скажу!

– Баба, моя баба, и там мяня побили, и там поколотили!

– За что тябя били, за что колотили?

– А в чужой дярвене боровá палили. А я с багром, а я с вядром! Огонь залил с вядра!

– Мало ж тебя били, мало колотили! А ты б пришёл, а ты б сказал: «Рёпой* – мясо, ведро сала! В Христово воскресеньице вам на разговленьице!»

– Ужо пойду, ужо скажу!

Пошёл дурень в чужую деревню. А в чужой дярвене кобыла подохла, кобылу обдярають мужики. (Эту шкуру им надо). А он как приходит:

– Рёпой – мясо, ведро сала! В Христово воскресеньице вам на разговленьице!

И там яго побили, и там поколотили.

– Ужо пойду, ужо бабе скажу!

– Баба, моя баба, там меня побили, там поколотили!

– За что тябя били, за что колотили?

– А в чужой дярвене кобылу обдирали. А я сказал: «Рёпой – мясо, ведро сала! В Христово воскресеньице вам на разговленьице!»

– Мало ж тебя били, мало колотили! А ты б плевал бы, а ты б не дышал бы!

– Ужо пойду ззэлаю!

Пошёл дурень в чужую деревню, а как раз был Испас*, мужики токо достали мёд и начáli пробу снимать. Он как пришёл и давай: не дышítь, плюёт! Им в чашку в мёд наплявал.

Так яво и забили! Больше он и не ходил, этот дурень.